

*«Переплёты для прожитых строчек,
где смешались блаженство и ад.
Не осталось от них многоточий,
лишь тире между парюю дат».*

Сергей Снякин, 1999 г.

Сергей Николаевич Снякин родился 18 мая 1953 года в семье военного в поселке Пролетарий Новгородского района Новгородской области. В 1959 году его семья перебирается в г. Новоаннинский Волгоградской области, а с 1965 года будущий писатель переезжает в Волгоград. По его собственным словам, дружить с литературой он начал рано: в шестом классе прочёл 220 томов «Библиотеки всемирной литературы», в седьмом – Бальзака, Мопассана, всего Золя.

Во времена, когда книги были дефицитом, популярным хобби стало коллекционирование книг. Не было исключением и Сергей Снякин, собравший за свою жизнь больше тысячи экземпляров фантастической прозы. Первые книги своей коллекции он начал покупать в начале 60-х, когда на книжные прилавки только-только стали попадать первые научно-фантастические произведения советских авторов. Практически всю свою зарплату лейтенанта милиции он тратил на книги.

С 1973 года, сразу после армии, Сергей поступает на службу в органы внутренних дел: сначала в ОБХСС¹, затем переводится в уголовный розыск. В 1999 году по состоянию здо-

ровья в звании подполковника милиции он был уволен в запас с должности начальника городского отдела по раскрытию умышленных убийств и иных тяжких преступлений против личности. Параллельно Снякин заочно обучается в Саратовском юридическом институте, после окончания которого ему даже предлагали остаться на преподавательской должности.

За долгие годы работы в милиции Снякин стал участником ряда нефантастических (но кажущихся абсолютно нереальными) историй: ему довелось разоблачить завербованного немецкой разведкой во время Великой Отечественной войны шпиона, вывести на чистую воду жившего под чужой фамилией ветерана... Десятки очерков о волгоградских милиционерах вошли в «Книгу о странных вещах» (2011) и многие из них были автобиографичны, как например, рассказ «О вреде курения».

В начале 80-х на одном из волгоградских кладбищ нашли расчленённый труп. Когда одетый в штатское Сергей Николаевич, аккуратно придерживая в руке отрезанную человеческую голову, шёл через ночной пустырь к машине экспертов, навстречу ему вынырнула группа подвыпивших парней с традиционной просьбой – дать закурить. Уставший

¹ Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности.

Синякин вместо демонстрации служебного удостоверения и профилактической беседы просто подсветил ручным фонариком то, что держал в руке, и ласково поинтересовался: «Ну, и когда же вы накуритесь?»

В 1983 году Синякин становится членом клуба любителей фантастики «Ветер времени». На одно из заседаний Вадим Гурьянов привёл улыбчивого, жизнерадостного человека, переполненного энергией и жадной творчеством. Как многие члены клуба, Сергей не только хорошо разбирался в фантастике, но и пробовал писать сам. После разгона клуба в 1984 году Синякину, тогда уже старшему лейтенанту милиции, настойчиво рекомендовали уйти из клуба, но он не только остался, но и попытался поддержать интерес к клубным встречам. На каждом заседании он зачитывал по одной главе из повестей «Трансгалактический экспресс» и «Три дороги к Поклон-горе»¹, которые были изданы в 1990 году при участии Бориса Завгороднего². Первые повести Синякина «Шагни навстречу» (1988) и «Резервация» (1989) были опубликованы в газете «Молодой ленинец» в конце восьмидесятых годов прошлого века³, а в 1991 году в Нижне-Волжском книжном издательстве выходит второй сборник молодого автора – «Лебеди Кассиды».

После увольнения из милиции Синякин становится профессиональным литератором. И сразу же обретает признание: повесть «Монах на краю земли» (1999) приносит ему премии «Интерпресскон» (2000), «Бронзовая улитка» (2000), «Сигма-Ф» (2000), «АБС-премия» (2000), «Мраморный фавн» (1999) и приз читательских симпатий журнала «Если» за лучшую повесть 1999 года. За повесть «Кавказский пленник» (2002) писатель был удостоен премии «Бронзовая улитка» (2002), за повесть «Младенцы Медника» (2009) получает премию «Полдень» (2010). Не меньшую известность

¹ Синякин С. Трансгалай. Волгоград: Волгоградское отделение Советского фонда культуры, 1990.

² Борис Завгородний (1952-2020) — советский и российский активист фэн-движения, издатель, журналист, писатель, основатель и президент КЛФ «Ветер времени», известный в среде любителей фантастики как «Фэн № 1 Советского Союза».

³ Синякин С. Шагни навстречу // Молодой ленинец (Волгоград). 1988. №№ 24-42; Синякин С. Резервация // Молодой ленинец (Волгоград). 1989. №№ 8, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 19, 20, 22, 23.

среди читателей обрели его дилогия «Бузулуцкие игры» (1999-2002) и цикл «Вулканолог Званцев и его техноморфы» (2007), а также десятки повестей и рассказов. Литературные успехи были отмечены принятием Сергея Николаевича Синякина в Союз писателей РФ.

Однако главным своим произведением сам Синякин считал нефантастический сборник рассказов «Сталинградские зернышки» (2005), в котором представлены неизвестные страницы Сталинградской битвы. Книга стала результатом долгой, кропотливой работы с архивами, разговоров с очевидцами событий тех лет. Позднее Сергей Николаевич дополнит эти рассказы другими повестями и очерками, дав новому сборнику название «Горькая соль войны» (2021) – эта книга выйдет уже после смерти писателя. К сожалению, до сих пор малоизвестной страницей творческой жизни Сергея Синякина остается его лирическое наследие.

Ещё одной страницей в жизни Синякина стала его работа с молодыми авторами. С 2003 года писатель активно развивал волгоградский фэнзин «Шалтай-Болтай», в котором

Обложка книги «Трансгалай»

являлся членом редакционного совета. Благодаря его усилиям журнал вышел на высоко-профессиональный уровень. В это же время Синякин создает серию очерков и эссе о волгоградской фантастике, публикует антологию «Квинтовый круг» (2008), ещё одна антология «Джинны пятой стихии» (2017) с произведениями С. Синякина, Е. Лукина, Ю. Астрова и А. Тебенькова увидела свет в 2020 году.

В конце 2018 года литературная деятельность Синякина получает официальное признание: он становится лауреатом государственной премии Волгоградской области в области культуры.

В последние годы своей жизни Сергей Синякин тяжело болел, причиной его смерти стали осложнения, вызванные коронавирусной инфекцией.

С Сергеем Синякиным я познакомился 17 марта 2019 года на внеочередном заседании КЛФ «Ветер времени» на квартире Бориса Завгороднего, которая, по меткому выражению Евгения Лукина, всегда была и оставалась Фэндомом. Встреча со знаменитым Завгаром несколько изменила мои творческие планы: написав пару статей о творчестве Евгения Лукина, я переключился на исследование истории волгоградского фэндома.

Синякин был воплощением критики: он сурово рубил правду-матку, не щадя чувства своих товарищей. Больше всех доставалось Завгороднему, который постоянно перебивал всех весёлыми репликами. Синякин с ехидной улыбкой вспоминал разные истории, например, как Завгар попал в вытрезвитель и как звонил ему оттуда с просьбой вытащить из заключения.

Синякин не умел скрывать или смягчать свое мнение: столь же нетерпим он был по отношению к собратям по перу, критикуя пошлость или бездарность их работ. Поэтессе, прочитавшей стихи об Афгане, он сказал:

– Ну что? Вас очень волнует Афган?.. Но вы же знаете, что вы не были там. Поэтому всё это вторично. Понимаете? Ну не надо этого делать. Вы сидите, молодая женщина.

Ну, у вас другие интересы должны быть... Вы сидите, у вас всё из головы. У вас нет ничего из жизни. Вот я сижу с настоящим ветераном, знаете, чем он в Афгане занимался? Понос лечил. У взрослых и детей. Понос лечил, потому что прошибло их там. Так вот он ходил таблетки раздавал. Следил за ними. Вот его задача, а не из винтовки стрелять и гранаты кидать. Но для того чтобы вот это прочувствовать, надо всё-таки с человеком поговорить и посмотреть, каково это за обосранными ходить? Вот он и получает деньги за боевые действия. Он же сидит там с душманами рядом. Но кто сказал, что это вот легче? Стрелять легче!

На мое замечание, что он и сам писал о Великой Отечественной войне, не будучи её участником, Сергей возразил: «Для того чтобы написать что-то, я столько перелопатил... Но они же из головы берут!»

Другого автора, представившего мистический рассказ, он спросил:

– Ты кем работаешь?

– Я врач.

– Где служил?

– Я в Афгане служил, в Чечне был.

– Ну, у тебя есть чего писать! Да ты расскажи, как ты мужику, у которого гранатой ноги оторвало, как ты восстанавливал всё. Да, калека. Двадцать лет – калека. Смотришь на него – вот что должно волновать...»

При этом Сергей столь же откровенно ругал и свои, не самые удачные работы, заявляя: «Автор имеет право назвать свою вещь «говном»». Циником его сделала работа в милиции: «Я работал начальником отдела по раскрытию умышленных убийств и других тяжких преступлений против личности. Должность, на которой привыкаешь к мертвецам», – признаётся он в эссе «Тропинка между двумя датами» (2017).

Весной 2019 года Синякин пребывал в весьма пессимистичном (даже по его меркам) настроении, жаловался на усталость, отсутствие творческих планов, долго размышлял о том, за чем вообще брался за перо: «Вообще не хочу, чтобы меня печатали. Устал я». Пожалуй,

лучше всего это состояние передано в упоминутым выше эссе:

«Очень неприятно видеть и понимать, что время сужает сферу твоего существования. Уходит все больше знакомых, мир беднеет, скоро я останусь один или уйду вслед за теми, кто покинул мир раньше. Пожалуй, так будет лучше – жить в пустоте, значит, уподобиться рыбе, вытасщенной из воды. Постепенно ощущаешь свое одиночество...»

О смерти я думаю с любопытством. Интересно, как я сам восприму приближающийся конец – испугаюсь или нет? Что там, за последней чертой? Есть там что-нибудь, или наша участь – быть телом, которое достанется белым кладбищенским червям? И как оно наступит – мгновение, за которым я перестану существовать? И что буду чувствовать я, понимая, что время прошло и пустота охватывает меня своими мягкими лапами?»

Однако уже через полгода он с воодушевлением показывал мне новый рассказ и делился планами по подготовке хрестоматии с произведениями волгоградских писателей. Долгие размышления привели его к новой мысли: «А что будет после тебя, что скажут о тебе, как ты жил на белом свете?»

* * *

В декабре 2019 года я собирался выступить с открытой лекцией «Царицынский текст в творчестве волгоградских писателей-фантастов», в которой хотел рассмотреть местные топосы в произведениях Синякина и Лукина. Большая часть упоминаемых в их книгах объектов была мне знакома, но какие-то догадки требовали подтверждения. С вопросами я пришёл в гости к Сергею Николаевичу и в первую очередь спросил про монастырь под Михайловкой из повести «Злая ласка звёздной руки» (2002), прототипом которого я видел знаменитый монастырь в Серафимовиче, славный своими катакомбами:

– Я никогда не выдумываю, – отвечал мне Синякин. – Мне нужен монастырь был. Где у нас монастырь? В Дубовке есть женский монастырь. Хорошо. А меня не устраивает Дубовка, ну я и перенесу его в Волгоград. Главное, чтобы задачу решить.

Но главной загадкой для меня оставался Бузулуцк, где происходит действие дилогии «Бузулуцкие игры». Оказалось, что в образе этого вымышленного райцентра сплелись и родной для Синякина Новоаннинский, и станица Клетская, где ему приходилось в молодости часто бывать по рабочим делам, и станица Усть-Бузулуцкая:

– Для Бузулуцких игр я взял за основу Клетский район и перенёс его в Новоаннинский район. Мне нужен был район, в который, когда дожди пойдут, больше никак добраться нельзя, только трактором. Вот я и выбрал Клетский район. Со стороны Суровикино хрен подъедешь. С трассы тоже хрен подъедешь. А здесь Дон подковой огибает. Вот всё и сложилось у меня. Бузулуцкий регион.

Другие онимы из романа «Бузулуцкие игры» (1999) имели свои прототипы в разных районах Волгоградской области:

– Комсомольская улица и улица Ленина везде есть. Пруд американский в Новоаннинском районе. Там есть посёлок Америка даже: у станции Панфилово есть посёлок Красная заря, ну его и назвали «Америкой». Синий ключ – это в Клетском районе, ближе к Дону. Там санаторий расположен.

В ходе беседы выяснилось, что знаменитый дом из «Зоны справедливости» Лукина не имеет аналога в Волгограде: его прототипом стал свердловский «Дом чекистов», в котором, по преданию, этих чекистов и «постреляли». Этот образ Синякин презентовал Лукину:

– Женя, вот тебе дом. Три стороны – заварены ворота. А одна – люди ходят.

Прототипом Лысой горы из повести «Феникс» (1999) оказался не волгоградский, а саратовский топос. Как-то в Саратове Синякин прогуливался в этих местах со своей будущей женой. Зашёл в Храм трёх Святителей и даже подружился с местным попом, у которого была богатая библиотека с сочинениями Ленина, Луначарского и подшивкой журнала «Безбожник», который особенно заинтересовал писателя.

С церковниками у Синякина были особые отношения: с одной стороны, он был награждён грамотой от митрополита Германа, с другой, критически осмыслил образ иерарха в повести «И поверг ангел серп» (2005). Ну а с обычными иереями мог и выпить:

«Работали, работали. Зашли в пивнушку на Пархоменко рядом с жд-мостом, ближе к школе. Взяли бутылочку. Сидим выпиваем. Поп заходит. А бармен ушел. Я приглашаю:

– Мол, батюшка, садись.

Он не стесняясь, не чинясь, подошел. Сел. Ему налили. Раз выпили. Два выпили.

– Ну, как у нас, батюшка, с верой?

Шикарный ответ был:

*– С верой все хорошо. С деньгами ****».*

Рассказал он и почему герои книги «Вокруг света с киллерами за спиной» (2001) двигаются на запад, а не на восток, как у Жюль Верна:

– А мне какая разница, как они идут? Главное, чтобы они совершили кругосветное путешествие и опять приехали во Владивосток. Если взять другой вариант, то они там сразу попадают в Америку. И там по Тихому океану ничего интересного. А здесь...

В его «кабинете» вдоль стен стояли шкафы с книгами – как фантастикой, так и классикой, тут же на тумбочке лежал ворох лекарств, а в углу размещался компьютер. Если гостей было немного, он приглашал их на балкон, где можно было сесть за маленький столик, чтобы выпить несколько кружек чая. Эмоциональный разговор чаще всего переводился на тему историческую, которая нашла отражение в двух нефантастических сборниках Синякина – «Сталинградские зернышки» и «Горькая соль войны».

Представленные в них рассказы изображали Сталинградскую битву с другой, малознакомой стороны, что не осталось без внимания критиков. Как отмечал сам Синякин:

– Я столько всего наслушался. Меня и «гитлеролобом» называли за «Полукровку», и что я нацизм прославляю...

На мой вопрос, стоит ли изучать его книгу в школе в рамках внеклассного чтения или «Родной литературы», ведь многие рассказы из сборника несколько «тяжеловаты» для восприятия подростка, Синякин отвечал:

– Всё можно давать... Пускай читают, чтобы знали, что такое война!

Собирая информацию о неизвестных страницах Великой Отечественной войны, Синякин, по его же словам, «везде лазил

и с людьми разговаривал много» – и находил малоприятные факты:

«Включил [в сборник] рассказ, как пулемётчик на площади Ленина (бывшая 9 января) полбатальона покосил. Ворвались, а он к пулемёту прикован цепями:

*– ***! они своих к пулемётам уже приковывают.*

А тот в ответ:

– Ребята, я свой, не бейте меня.

Выяснилось, что это «власовец». Полбатальона положил. Его пристрелили. Оказывается, у нас из полицаев и хивы¹ дивизию сформировали, вооружили нашим оружием. Здесь, в Сталинграде. И когда немцы уже капитулировать начали, они отошли к тракторному заводу...

Как ты думаешь, взяли кого-нибудь живём? Никого не взяли. Всех положили. И это было... А дрались они хорошо. Вот я и писал про это, чтобы люди знали. Ведь десять процентов военнослужащих армии Паулюса было русскими. А наши стыдливо молчат – «как же писать об этом?» Пишите! Потому что предатели были.

В своё время, в 1976 году, в бытность работы в паспортном отделе УВД, Синякину, тогда ещё молодому милиционеру, пришлось лично столкнуться с такими «ветеранами»:

«А один был? ходил в военкомате, орал: «Я ветеран!» Мол, дайте мне!» А военком говорит:

– Займись им, что-то он мне не нравится.

Я запросы послал, а оказывается, его в 1946 году НКВД взяло, вlepили ему 25 лет за сотрудничество с немцами. Когда он освободился, то букровку изменил в паспорте одну и стал жить. Ну а когда я начал проверять, всё вылезло. Приехал к военкому и говорю:

– Ну, вызови его сюда.

А я с комитетчиком приехал, тот:

– Сейчас «палку» сделаю.

Он же пенсию получал как ветеран войны – и её ему всю в хищение вменили, [так как он] предоставил для пенсии липовые документы.

Он был на Украине карателем. Когда наши пришли, то в армию пошёл. Последний год воевал. Вызвали его. Он:

¹ «Хиви» (от нем. «Hilfswilliger») — добровольные помощники вермахта из местного населения.

– Я ветеран. Вы у меня ответите.

Мы:

– Ну, расскажи, ветеран, как ты Гитлеру прислуживал?

Тот сразу поник.

– Ты ж пенсию от Германии должен получать, а не здесь.

Забрали ветеранское удостоверение, все документы забрали – он же медали получил за победу над Германией. Был ветеран, в школе выступал:

– А что, теперь позор будет мне?»

Когда началась всеобщая паспортизация, Синякин занимался сверкой документов и особенно запомнил дело Ландышева, который «мужика грохнул, резидента в Волжском»¹:

«Был у мужика паспорт просроченный: на полгода выписывали тогда. Я его в оборот взял в своём кабинете. Работали с ним. Ничего не подтверждается. Отпустили его. Наутро вызываем к себе. Он пришёл. Прикинул – всё равно не отстанут. Взял рацию, которую держал в погребе, и пришёл в КГБ сдаваться. Они звонят и говорят:

– У вас проверочный материал на Ландышева есть? Везите сюда, он сдаётся.

Приехали. А он с рацией. Когда его сбросили, то он на деньги, которые ему немцы дали, дом купил. Потом в 56 году приехал резидент с Западной Германии, подписку ему сунул – будешь работать. А он работать не стал. Вечером укан***** его в сортире. Утопил труп, а сортир на другое место перенёс. Новое откопал, а здесь зарыл. В говне утопил. Резидента хватились, но тот пропал на просторах России. А он, когда началось, дом на бабу переписал, а сам под чужой фамилией – в зону на три года за кражу. Назвался другой фамилией, чтоб не нашли его снова. Когда выяснилась его старая фамилия, оказалось, что паспорта у него два – на новую и старую фамилии. Какой срок дали? Ничего ему не дали. Он предательства не совершил. Подписку написал, но отказался работать. За что судить? Сколько интересных историй было!»

Сюжет второй истории, участником которой был Синякин, достоин романа. Некий Кошнев, скрываясь от компетентных органов, прошёл всю войну под чужой фамилией, как

Будаев. Так случилось, что настоящего Будаева расстреляли за панику на Дону, а растратчик лже-Будаев шофёром дошел до Берлина и расписался там. Когда началась паспортизация, выяснилось несоответствие документов. Нашли двух Будаевых, оба из Сталинграда. Начали проверку и всё раскрыли. Кошнев написал письмо в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой оставить ему фамилию «Будаев», под которой он дошёл до Берлина, но воспользоваться выданным разрешением не успел. В день, когда пришёл ответ, он разволновался и умер: не выдержало сердце².

Мы долго говорили о фантастике. Я рассказывал о своей работе, своих планах... Слушая мои размышления, Синякин горько произнёс: «Знаешь, в чём твоя беда? Ты уже не можешь читать по-нормальному». И, как всегда, оказался на сто процентов прав. «Иногда нужно просто получать удовольствие», – подытожил он тот разговор.

Литература:

1. Кавеева О., Синякин С.. Ещё одна фантастическая книга издана в Волгограде! (интервью) // Шалтай-Болтай. 2009. № 1. С. 5-6.
2. Синякин Сергей // Лаборатория фантастики. URL: <https://fantlab.ru/autor276> (дата обращения: 30.03.2021).
3. Скирюк Д. «Утопии сегодня невозможны». Интервью с Сергеем Синякиным, взятое после «Волгакона-2001» // Лавка фантастики. 2001. № 2 (10). URL: <https://fantlab.ru/article102> (дата обращения: 30.03.2021).
4. Смуров Н. «Я деньги лопатой загребал!» URL: <https://fantlab.ru/article201> (дата обращения: 30.03.2021).
5. Умер писатель-фантаст Сергей Синякин. URL: <https://ria.ru/20201125/obschestvo-1586198360.html> (дата обращения: 30.03.2021).

¹ См. рассказ «Путь червя».

² См. рассказ «Под чужим именем».